

ВИРА-МАЙНА

Das Wesen des Geistes ist die Freiheit.

Гегель

СЕНИ

Что мне разумом беспечным,
Как кругами по воде,
С первым встречным-поперечным
Предаваться чехарде?

Что мне сердцем неразумным,
Имитируя глупца,
По дворцам или по гумнам
Оперировать сердца?

Что мне бессердечным телом,
Как крысёнком в западне,
В общем, в частном, в среднем, в целом
Оставаться в стороне?

Забирался я под купол
Самых выпренных идей:
Но не верил; брал; и щупал
Суть предложенных затей.

Я, как доктор, их простукал,
Проследил и пульс и жар;

Отобрал людей от кукол,
Чтоб запрятать в свой амбар.

Каждый сердца взмах – паломник
По своим святым местам:
Не забудет он, попомнит
Всё, что не попомнил сам.

Он притащит из архива
По протоптанной тропе
Сладость взлёта, горечь срыва,
Боль, желанья и т.п.

Коли очень нашедевришь,
Коли слишком наподлишь, –
Может, молвят люди: «дервиш»,
Может, пробормочут: «ишь»...

Песни, новые как сени,
Как кленовые листья,
Разузоренные тени
Отпоют у красоты.

VI. 1938

ПОЭЗИЯ

Не знаю я, что такое стихи,
Кому это надо, кому нужно,
Кому понадобятся – тихи,
Как взоры, как взгляды, –
Тихи, как очи ночи южной.

Какое слово пустословится:
Война, война, война...
В нём, как в оскоmine пословица,
Ошибка коренна.

Зачем смотреть по сторонам
(О, как она нежна!..)
И делать вид, что нам, что нам
Поэзия нужна?

Не опасайся умереть
В сраженьи, брат солдат,
Чтоб мог прозреть сейчас и впредь
Чей бы то ни был взгляд.

Цитатой леса маленькая роща
Стояла на виду.
Как будто ничего нет прощѐ:
Возьму да подойду...

Но, вспоминая, как любил её,
Как проклинал её,
Готовый на дыханье милое
Отдать своё бытѐ, –
Я думаю, что всем и каждому
Известно что к чему,
Когда ведѐт, ведѐт – аж до́ дому
К сознанию своему,

Куда через простор полей,
Согласно верному инстинкту,
Уходят взорами колеи
На одноглазую тропинку.

И напролёт ночами целыми,
Во всю тоску звеня,
Вся смерть её очами серыми
Смотрела на меня.

VII. 1946

ВИРА-МАЙНА

Так высадим же романтизм
На опухоль весенних желез:

Ручья небрежный хроматизм,
Ветвей политональный шелест,
Печать древесного гриба,
Осин закинутые грабли –
Сегодня им глядеть судьба
На тенью скрещенные сабли.

Луч, небесам наперерез
Валясь, как понуканья возглас,
Прогреет сиволапый лес
И бедную земли промозглость.

Кто пьет всю эту кутерьму,
Фотографически приблизясь
И сердце опростав, тому
Известен урбанизма лизис.

Трансцендентальный контрапункт
Сознание опускает низко
Во всяческую шантрапу
Шуршанья, свиристенья, писка.

Так как вот это-то и есть
Весны беспутной «вира-майна», –
Оно надеется, что здесь
Понятной станет мира тайна.

П. 1947

ОКНО

Жизнь хороша не от того,
Чего имеешь очень много,
А чаще лишь от одного,
В чём вся любовь и вся тревога.

И часто это-то одно
Так сильно мучает и манит,
Как в даль открытое окно,
В которой ни краев, ни днá нет.

Ты знаешь, что в твоём доме
Окно выходит в море взором,
Ты можешь подойти к нему,
Свободен вопреки затворам.

От пойманного пустяка
Пахнёт в лицо такая свежесть,
Что станет уж не так тяжка
Игра пророческих невежеств.

Мы счастливы не от того,
Чего имеем очень много,
А только лишь от одного,
В чём вся любовь и вся тревога.

II. 1947

ВДАЛЬ

Под приближающимся мраком
Хочу поговорить со вкусом
Об очертаниях спины
Столь удалившейся весны,
Той недоверчивой весны –
Тяжёлой, голенастой цапли –
Чьи сны нам до сих пор ясны
На волоске набухшей капли.

Худышки норов – свеж и сыр –
Вкусней, чем гастроному сыр.
Весна сияет на задворках
Алмазом скромным из грязей,
Творя из субчиков в опорках
До гробовой доски друзей.
Она дает на вкус задир
Попробовать могучий мир.

И наблюдают однолетки,
Как ельника встаёт копна
По мановенью колдуна,
Как простирает ветер ветхий
Ив укоряющие ветки
К печальным локонам берёз.
И сдавлены грудные клетки
Подспудным ожерельем слёз.

II. 1947

РАДУГА

Крутые кудри яблони,
Подоткнутые граблями,
Плоды таят. Доподлинно –
Дракон приполз, а подле него
Бульдог с устами дряблыми,
Сократ прилег, раскинуци
Ума палаты иночи.

К чертям, к чертям! Не иначе –
И мы-то все Горынычи,
И нами переловятся,
Как стаи птиц, пословицы
Со старыми, знакомыми
Слепыми идиомами.

Чтó пёсего, чтó бесьего
(Поди попробуй, взвесь его!)
Наворочёно месива,
В котором заключается
Безвольный хор случайностей,
Людской тоски террариум...

Обещано получше ещё им,
Не только пролетариям,
А и благополучнейшим.

Сильна, цветна, тугá дуга –
Полмира держит радуга,
Сердца надеждой радуя:
От синего до карего
Набито в очи варева.

Не красному, не синему,
Не максимум, а минимум

Всему хвосту павлиньему
Здесь на́ ветер поверено:
Доселева оттелева
Хватай, держи теперь его!

Когда стоят на цыпочках
И озорно поглядывают
Высокие обрядовые
Стволы, закатом выпачканные, –
Тоскливый возглас дерева
Тюрьмой торчит из терема.

IV. 1947

СВЕТ И ТЕНЬ

Этот день был пригож и весеннь:
Распускался, сверкая все искристей...
Тенью ль жизни из памяти выскрести
Леса благоуханную тень?

Как бессмертно пищали птенцы!
Как деревья шуршали доверчиво!
Как всю жизнь провело под уздцы
От рассвета до позднего вечера!

Вслед ему наступившая ночь,
Я не думал, что будет соперницей,
Я не подозревал, что подвергнется
Размноженью красы во всю мочь.

Что там делалось! В сон уроня
Контрапункты прищуренных путаниц,
Все подробности бывшего дня
Будто лунным туманом окутались.

Будто брали стеснённо взаймы,
Будто в чём извинялись застенчиво,
Заслоняя травинками птенчиков
От живой бесцензурности тьмы.

Вся, рождённая светом весна –
В трепетаньи, в сверканьи и в высвисте –
Повторялась в безмолвном неистовстве
На луну наведённого сна.

А теперь, когда близится тьма,
Свет ложится всё ниже, всё косвенней...
Придвигается пасмурно к осени
Жизни бестолочь и кутерьма.

VII. 1947

ERGO

В капризе человеческой фортуны
Не то достойно всяческой хвалы,
Что и старушки эти были юны
И эти детки могут быть дряхлы, –
А то, что ив седое шевеленье,
Смерть позабыв, доверчиво глядим,
И жизни бедное хитросплетенье
Считать готовы вечно молодым.

(...В сомнительной надежде полутрупа,
Что в непрерывном тленьи – глубина,
Что силам плесени не верить – глупо,
Что жизнь не может быть прекращена...)

XI. 1947

БЕССМЕРТНИК

Бессмертники и метеолы,
И звёздных кружение сонмищ,
И сельскую вывеску школы, –
Ты вспомнишь, ты вспомнишь!

На память... Как в клетке волчица,
Она неразборчива в средстве, –
Ей – вырваться, ей – изловчиться,
Ей – вгрызться в забывшее сердце!

Ей – путь никуда не запрещен;
Она доберётся, разлившись,
До тайн заскорузлых отметин
Меж праха постов и излишеств.

Заносит – то тупо, то остро –
Лови её, грешницу, на-кось!
Проявит не к месту упорство
И вовсе ненужную мягкость.

Поток доказательств увесист,
Преступна подкладка мотива,
Вина отягчённей раз в десять,
И мрака черней перспектива...

Бессмертники и метеолы
Среди круженья звёздных сонмищ,
Крылечко деревенской школы, –
Друг, вспомнишь! – недруг, вспомнишь!!

XI. 1947

НАСЕЧКИ

Как ствол до гибели доносит
Болячки закорузлых букв,
Так и во мне пустоголосит
Насечек чуждых давний звук.

Чьё горе бережно хранит он,
Чьё счастье нежно бережёт,
Притягивая, как магнитом,
Сок сформированных пород?

Когда гармония живая
Встаёт глубоко, неспеша,
Спокойно преодолевая
Всё, чем топорщится душа, —

Тот звук своё находит место,
Он вдруг становится моим,
С насечкой своего насеста
Ничем другим не заменим.

И, как в серебряные блюда
Под бегом яблок наливных,
Чужие жизни перельются
В мой жадный и горячий стих.

Имей я волю чародея,
Я б на себя весь мир навёл:
Пусть насекает, не жалея,
Моей души могучий ствол.

XII. 1947

ОСЕННИЙ ЛЕС

Р.И.Т.

Быть может, этот лес обычен
На заячий иль птичий взгляд:
Они живут с листвою в лад,
И капли крупные брусничин
Для них не чудеса таят.

Мне ж сквозь лепечущий осинник –
Глубоководное, как дно, –
Небес окно разведено,
Где облака в объятьях синих
Бегут бесшумно, как в кино.

За тишиной древесной клади
Таится земляная тишь:
Ты дышишь ей, в неё глядишь...
И пойман вдруг в привыкшем взгляде
Грибной, испуганный малыш.

В ветвях продета шкурка лисья,
И воздух терпкий, как вино,
Висит с закатом заодно...
И аметистовые листья
Летят бесшумно, как в кино.

XII. 1947

ВОТУМ

Расставив маяки огней,
Мы оставляем по кивотам
Во власти разных ахинеяй
Доверия и веры вотум.

Мы тёплым ворохом забот
Своё окутываем тельце
И, выводом считая ввод,
Позабываем о владельце.

Но часто – силам вопреки,
Порывом прихоти влекомо –
Движеньё слабенькой руки
Повелевает волей грома.

Виденьем бреда смерть летит,
Мрак, пламень, вихрь и смрад обруша:
Ан – всего-навсего Давид
Удобно лёг средь мха иль плюша,
Ан – всего-навсего герой
Обескуражен лёгким штрафом...

И станет чуть ли не игрой
Борьба Давида с Голиафом.

И хочет пылкая душа,
Которой жизнь мелькает вкратце,
В манере бойкого ерша,
Ну, «хоть немножечко подраться».

Пусть ум отыметсЯ, язык,
Пусть даже жизнь идет на вылом...
Чтоб в бесконечно малый миг
Всё стало бесконечно милым.

II. 1948

МУЗА

Ненавидь мою музу:
Примечай, что она
Только силе в обузу,
Как плохая жена.

Сторожи, контролируй –
Эка невидаль, вишь,
Своевременной лирой
Потрясает малыш...

Вольным балует ветром,
Даже мыслить готов,
Посыпая пиретрум
На окрестных клопов.

И он член профсоюза?
И он общества член?!
Значит, дерзкая муза
Забрала его в плен.

Полюби мою музу
И как боль, и как сладь,
И как сердца обузу,
И как по сердцу власть.

Ты её не тетёшкой,
Не води в детсады,
Чтоб проезжей дорожкой
По указке узды
Мерным шагом иль рысью
Продвигалась, кляня
И заботливость лисью,
И себя, и меня.

Своевольна, как птаха,
Возбранима, как свет,
Начиная из праха
Свой невидимый след,
Она водит по жизни
Взором бережных глаз
И в ответ укоризне
Поминает про нас.

Значит, сам ты, ровесник,
Обездолен в судьбе,
Если честные песни
Не по думе тебе.

IV. 1948

ОТВЕРСТИЕ

Друг мой – близкий и далёкий –
Не пугайся, не дрожи
И не гневайся: молоки
Нашей будущей межи
Хоть и мерзко и свирепо
Выглядят на первый взгляд,
Да зато – живая скрепа
С тем, чем будет райский сад.

Жизнь всегда небезопасна:
Три отверстия заткнуть –
И культура вся напрасна,
И уязвлена вся суть.

А по сути-то, вестимо,
Не в отверстиях вопрос,
А во всём, что мчится, мнимо, –
То обрадовав до слёз,
То до боли опечаля:
Ничего не бойся впредь,
Вот чего ты в жизни чаял,
Вот и можно умереть.

Друг мой – встречный-поперечный –
Не волнуйся, не грусти,
Что и твой – небесконечный –
Тоже путь, как все пути.

XI. 1948

ПОЭТ

Поэт и вычурен и прост,
Как всякий дельный запевала.

То разведёт павлином хвост,
Чтоб песня, вставши во весь рост,
Широким трепетом взлетала;
То в тихом бульканье ручья
Под небом, ласковым и синим,
Воткнёт напев пером павлиньим,
Печаль и радость притая
Любезным сердцу героиням.

И кажется ему, что нет
На свете шибче скомороха
Ни родника, ни самородка,
Что белый свет и чёрный свет
Висят серо и старомодно.

Кому же он какая дробь
Иль показатель логарифма?
Окрест – людской трясины топь,
Чтоб он взревел: «Робя! Не робь!..
Нам по сопатке ритм и рифма»...

В едином мании перста
Залог чудес: глубокомыслье
Провалит, «будто в немца», мысли
В тупой подвал, где простота
Бывает хуже воровства.

XI. 1948

СУРЖИК

«Сперва говорят: как он молод!
Вдруг скажут о нём: как он стар»...
Неправда: второе – лишь повод,
А в первом и финиш и старт.
Неверно, неверно, неверно:
Включенное в цепь облаков,
Как ясного неба каверна,
Глубокое неглубоко.
Года раздаются по смете,
Составленной впрок, про запас,
Изъявшей излишки по смерти,
Не вовремя схапавшей нас.
Конечно, конечно, конечно,
И плод, – меж листов перезрев,
Так пылко, так сладко, так нежно, –
Не станет сдаваться в резерв.
Когда говорят: как он древен...
Вдруг скажут о нём: как он юн! –
И мечется стадо царевен,
И рыцарей бьётся табун.
Занятно, занятно, занятно:
Наверно рассвет, а не тьма,
Невежливо тыкает в пятна
На выпрленном солнце ума.

XII. 1948